

ЧЕКАЛИН Александр Алексеевич, ассистент кафедры перевода и прикладной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 6 научных публикаций

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ГРАММАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена рассмотрению роли грамматических категорий в построении немецкого законодательного дискурса и исследованию взаимодействия категорий темпоральности, модальности, персональности и залоговости в реализации коммуникативного намерения законодательного дискурса. Отдельно подчеркивается, что описываемый тип дискурса конструируется с целью регулирования взаимоотношений государства и граждан. Автор приводит аргументы в пользу гипотезы о том, что грамматические категории являются одним из важнейших инструментов построения дискурса. Дискурс предлагается исследовать с позиций структурной лингвистики, позволяющей выявить как сугубо лингвистические, так и функциональные особенности репрезентации языкового материала. Автор обращает внимание на то, что указанные грамматические категории в дискурсе существуют не обособленно, а в такого рода взаимодействиях, которое определяет специфику данного типа дискурса. Взаимопроникновение категорий описывается в русле грамматики дискурса, рассматривающей языковые явления в их совокупности. Настоящее исследование нацелено на то, чтобы продемонстрировать, какие грамматические формы, репрезентирующие соответствующие грамматические категории, используются при конституировании законодательного дискурса. В статье последовательно обосновывается стратегия отбора грамматических форм в процессе построения законодательного дискурса. Вместе с этим автор акцентирует внимание на конвергенции характеристик атемпоральности, обезличенности и модальности предписания, достигаемой посредством взаимодействия соответствующих грамматических категорий.

Ключевые слова: *грамматика дискурса, грамматическая категория, немецкий законодательный дискурс, взаимодействие категорий.*

На протяжении долгого времени многие лингвисты сходятся во мнении, что человеческая коммуникация строится не на совокупности высказываний или предложений, а на совокупности дискурсов. Дискурс, понимаемый как совокупность актуализированных

и тематически связанных устных и письменных высказываний, включающих в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические (исторические, социокультурные и прочие) факторы, можно рассматривать с различных точек зрения.

Л.С. Бейлинсон, например, выделяет несколько подходов к изучению дискурса с позиций: 1) социологии и социолингвистики; 2) прагматической лингвистики и коммуникативной теории; 3) семантической теории; 4) структурной лингвистики [1, с. 142]. Ученый утверждает, что «эти подходы <...> соответствуют традиционно выделяемым в семиотике трем сторонам знака: семантика – отношение знака к действительности, прагматика – отношение знака к интерпретатору и синтактика – отношение знака к другим знакам» [1, с. 142].

В настоящей статье дискурс предлагается рассматривать с позиций структурной лингвистики, которая направляет свое внимание на изучение языковых способов выражения той информации и того коммуникативного намерения, которые заложены в дискурсе и должны быть в нем же реализованы [1, с. 142]. В рамках данного подхода можно рассматривать различные языковые средства, вносящие свой вклад в построение единой и целостной структуры того или иного дискурса. Однако в данной статье основное внимание будет уделено вопросу функционирования в законодательном дискурсе грамматических категорий, которые, на наш взгляд, являются основными средствами формирования данного типа дискурса, определяющими его специфику. Следует согласиться с тем, что грамматические категории «составляют важную часть <...> арсенала средств, выражающих структурные и функциональные особенности <...> дискурсивных единиц» [2, с. 8].

Грамматические категории целесообразно изучать в русле грамматики дискурса – лингвистического направления, возникшего в рамках анализа дискурса.

Цель грамматики дискурса состоит в том, чтобы «анализировать возможные дискурсивные построения, закономерности на уровне отдельных языковых явлений» [3, с. 28]. Грамматика дискурса предполагает «интегративное описание грамматических явлений, основан-

ное на процессуальном, системном и функциональном подходах» [4, с. 20]. В рамках данного лингвистического направления грамматика изучается как практика, т. е. при ее функционировании в дискурсе [5, с. 200]. Таким образом, объектом грамматики дискурса может считаться выбор языковых средств в соответствии с интенцией дискурса.

Принимая за основную интенцию законодательного дискурса регулирование отношений между индивидом и государством в форме «директивных высказываний» [6, с. 200] – запретов, дозволений, ограничений и т. д., перейдем к рассмотрению роли грамматических категорий в создании данного коммуникативного намерения.

В законодательном дискурсе в целях выражения директивности осуществляется взаимодействие грамматических категорий модальности, темпоральности и персональности (предикативных грамматических категорий) и залоговости. Взаимодействие грамматических категорий помогает высвечивать непреложные факты, которые не просто существуют в природе, а устанавливаются законодателем. Существует некая договоренность о том, что данные факты должны толковаться именно так и никак иначе, описываемые действия должны выполняться в соответствии с указанным алгоритмом, для всех объектов при нарушении установленных процедур должны наступать одинаковые последствия. Законодательный дискурс демонстрирует, например, взаимодействие грамматических категорий посредством синкретичности выражения грамматических значений. Так, формы презенса, используемые для обозначения третьего лица индикатива, несут в себе модальность долженствования.

(1) *Im Sinne dieses Gesetzes <...> ist personensorgeberechtigte Person, wem allein oder gemeinsam mit einer anderen Person nach den Vorschriften des Bürgerlichen Gesetzbuches die Personensorge zusteht...¹.*

¹ § 1 Abs. 1 Nr. 3 des Jugendschutzgesetzes vom 23. Juli 2002 (BGBl. I S. 2730), das zuletzt durch Artikel 3 Absatz 1 des Gesetzes vom 31. Oktober 2008 (BGBl. I S. 2149) geändert worden ist.

(2) *Unter den Begriff Fahrzeuge im Sinne dieses Gesetzes **fallen** Kraftfahrzeuge und Kraftfahrzeuganhänger².*

Говоря о темпоральной структуре законодательного дискурса, можно утверждать, что формы презенса индикатива находятся в постоянном взаимодействии с формами перфекта индикатива, что в общем и целом соответствует общеязыковым нормам употребления времен в немецком языке. Однако в законодательном дискурсе подобное взаимодействие также характеризуется определенной спецификой. Формы перфекта употребляются в рамках законодательной нормы тогда, когда речь идет о процессах, явлениях, действиях, которые были ранее установлены, одобрены, запрещены тем или иным уполномоченным лицом или органом:

(3) *Absatz 1 **ist** außerdem **nicht anzuwenden**, wenn die zentrale Aufsichtsstelle der Länder für den Jugendmedienschutz über das Telemedium zuvor eine Entscheidung dahin gehend **getroffen hat**, dass die Voraussetzungen für die Aufnahme in die Liste jugendgefährdender Medien nach Absatz 1 **nichtvorliegen**³.*

(4) *In Ausübung der Heil- oder Zahnheilkunde am Menschen **dürfen** beim Betrieb von Anlagen, die nichtionisierende Strahlung aussenden können, die in einer Rechtsverordnung nach § 5 für bestimmte Anwendungsarten festgelegten Werte nur dann überschritten werden, wenn eine berechnete Person hierfür die rechtfertigende Indikation **gestellt hat**⁴.*

В примерах (3) и (4) очевидной представляется взаимосвязь категорий темпоральности и модальности: первая часть каждой из приведенных норм является предписанием,

побуждающим объект закона к действию или бездействию. Средствами выражения данного предписания являются в приведенных примерах либо модальные глаголы (4), либо особые, характерные для немецкого языка модальные конструкции, например sein + zu + Infinitiv (3). Кроме того, следует отметить, что подобного рода побуждение к действию может выражаться и простой формой презенса индикатива, которая в силу специфики законодательного дискурса приобретает модальность предписания (настоящее долженствования) и служит для выражения атемпоральности (в силу неограниченности действия закона):

(5) *Eine Neufestsetzung für frühere Halter **unterbleibt**; dies **gilt** auch dann, wenn ein früherer Halter für das Fahrzeug Steuer **entrichtet hat**⁵.*

Интерес представляет взаимообусловленность в законодательном дискурсе категории модальности и категории залоговости. На основании анализа языкового материала можно заключить, что употребление пассивного залога обусловлено, во-первых, стремлением законодательного дискурса к максимальной обезличенности и, следовательно, объективности содержащихся в нем положений. Во-вторых, формы пассивного залога зачастую употребляются параллельно с использованием модальных глаголов в тех случаях, когда речь идет не о субъекте или объекте закона, а о прочих лицах или предметах, упоминаемых в нем. Подобные закономерности объясняются тем, что пассивный залог в законодательном дискурсе используется в случаях, когда исполнитель действия не существенен, а возможные последствия действия входят в доминанту коммуникативного намерения составителя закона:

² § 2 Abs. 1 des Kraftfahrzeugsteuergesetzes in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. September 2002 (BGBl. I S. 3818), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 27. Mai 2010 (BGBl. I S. 668) geändert worden ist.

³ § 18 Abs. 8 des Jugendschutzgesetzes vom 23. Juli 2002 (BGBl. I S. 2730), das zuletzt durch Artikel 3 Absatz 1 des Gesetzes vom 31. Oktober 2008 (BGBl. I S. 2149) geändert worden ist.

⁴ § 2 Abs. 1 des Gesetzes zum Schutz vor nichtionisierender Strahlung bei der Anwendung am Menschen vom 29. Juli 2009 (BGBl. I S. 2433), das durch Artikel 7 des Gesetzes vom 11. August 2010 (BGBl. I S. 1163) geändert worden ist.

⁵ § 3c Abs. 2 des Kraftfahrzeugsteuergesetzes in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. September 2002 (BGBl. I S. 3818), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 27. Mai 2010 (BGBl. I S. 668) geändert worden ist.

(6) *Sie [die Bekanntgabe] kann mit einem Vorbehalt des Widerrufs, einer Befristung, mit Bedingungen, Auflagen und dem Vorbehalt von Auflagen versehen werden*⁶.

(7) *Ein Medium darf nicht in die Liste aufgenommen werden allein wegen seines politischen, sozialen, religiösen oder weltanschaulichen Inhalts*⁷.

Специфика законодательного дискурса состоит во взаимосвязи модальности должностования, атемпоральности и обезличенности. Обезличенный характер законодательных актов объясняется тем, что изложение ведется не от конкретного лица, а от имени обобщенного, абстрактного субъекта, предписывающего обязательное выполнение указанных положений. Подобного рода оторванность законодательного дискурса от конкретного субъекта и концентрация его внимания на объектах, о которых идет речь, обуславливает специфику отбора грамматических средств выражения категории персональности:

(8) *Das Gleiche gilt auch außer in den Fällen der §§ 339, 342, wenn jemand eine Strafe für den Fall verspricht, dass er eine Handlung vornimmt oder unterlässt*⁸.

(9) *Es ist verboten, lebende Tiere der im Absatz 1 Satz 1 genannten Arten anzubieten, zur Abgabe*

*vorrätig zu halten, feilzuhalten oder an andere abzugeben*⁹.

Следует отметить, что в конституировании законодательного дискурса отчетливо прослеживается обезличенный характер, обусловленный употреблением в качестве подлежащего объектов, на которые должно быть направлено действие (1–6), личных (7–8), неопределенно-личных (8) и безличных (9) местоимений третьего лица, а также субстантивированных прилагательных (8).

На основании изложенных фактов можно сделать вывод о том, что рассмотренные категории играют основополагающую роль в формировании грамматики законодательного дискурса. Рассматриваемый тип дискурса создается в соответствии с условиями, согласно которым сущность законодательного дискурса заключается в регулировании отношений законодателя и индивида. Анализируемый языковой материал представляет убедительные доказательства того, что законодательный дискурс строится не просто на основании употребления в его рамках тех или иных грамматических категорий и выборе соответствующих грамматических форм, но в гораздо большей степени зависит от успешного сочетания и взаимодействия конкретных форм и категорий.

Список литературы

1. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2009. № 3. С. 142–147.
2. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 7–34.
3. Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе. Самара, 2001. 228 с.

⁶§ 6a Abs. 1 des Gesetzes zum Schutz vor nichtionisierender Strahlung bei der Anwendung am Menschen vom 29. Juli 2009 (BGBl. I S. 2433), das durch Artikel 7 des Gesetzes vom 11. August 2010 (BGBl. I S. 1163) geändert worden ist.

⁷§ 18 Abs. 3 des Jugendschutzgesetzes vom 23. Juli 2002 (BGBl. I S. 2730), das zuletzt durch Artikel 3 Absatz 1 des Gesetzes vom 31. Oktober 2008 (BGBl. I S. 2149) geändert worden ist

⁸§ 343 Abs. 2 des Bürgerlichen Gesetzbuches in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S.738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 10. Mai 2012 (BGBl. I S. 1084) geändert worden ist.

⁹§ 3 Abs. 2 Bundesartenschutzverordnung vom 16. Februar 2005 (BGBl. I S. 258, 896), die zuletzt durch Artikel 22 des Gesetzes vom 29. Juli 2009 (BGBl. I S. 2542) geändert worden ist.

4. *Казанцева Ю.М.* Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти проф. О.И. Москальской. М., 2004. С. 19–20.
5. *Kazanceva J.M.* Von der Textgrammatik zur Diskursgrammatik // DAS WORT: Germanistisches Jahrbuch. 2004. S. 479–489.
6. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: моногр. Тамбов, 2007. 288 с.

References

1. Beylinson L.S. Funktsii institutsional'nogo diskursa [Institutional Discourse Functions]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 142–147.
2. Plungyan V.A. Diskurs i grammatika [Discourse and Grammar]. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Вып. 4. Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies into the Theory of Grammar. Vol. 4. Grammatical Categories in Discourse]. Moscow, 2008, pp. 7–34.
3. Danilova N.K. "Znaki sub"ekta" v diskurse ["Signs of the Subject" in Discourse]. Samara, 2001. 228 p.
4. Kazantseva Yu.M. *Vozmozhna li grammatika diskursa?* [Is There Such a Thing as Discourse Grammar?]. *Germanistika: sostoyanie i perspektivy razvitiya: tez. dokl. mezhdunar. konf., posvyashch. pamyati prof. O.I. Moskal'skoy* [German Studies: The State and Prospects of Development: Outline Reports Int. Conf. in the Memory of Prof. O.I. Moskalskaya]. Moscow, 2004, pp. 19–20.
5. Kazanceva J.M. Von der Textgrammatik zur Diskursgrammatik. *DAS WORT: Germanistisches Jahrbuch*, 2004, pp. 479–489.
6. Grigor'eva V.S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekt* [Discourse as an Element of Communication Process: The Pragmalinguistic and Cognitive Aspects]. Tambov, 2007. 288 p.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.2.138

Chekalin Aleksandr Alekseevich

Institute of Philology and Cross-Cultural Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163001, Russian Federation;
e-mail: a.chekalin@narfu.ru

THE ROLE OF GRAMMATICAL CATEGORIES IN THE GRAMMAR OF GERMAN LEGAL DISCOURSE

This article considers the role of grammatical categories in the formation of German legal discourse and studies the interaction between the categories of temporality, modality, person and voice as main contributors to the actualization of communicative intention of legal discourse. It is emphasized here that this type of discourse is constructed to regulate the relations between the state and its citizens. The author argues that grammatical categories are one of the most important tools for constructing discourse and suggests studying discourse from the viewpoint of structural linguistics, which allows one to identify both purely linguistic and functional features of representation of linguistic material. The author points out that the grammatical categories listed above do not exist in isolation but in interaction specific of this type of discourse. Such interpenetration of the categories is described within discourse grammar, which considers linguistic phenomena in their entirety. This study aims to demonstrate what grammatical forms, representing the corresponding grammatical categories, are used to constitute legal discourse. The paper consistently describes the strategy of grammatical form selection in the process of legal discourse construction. At the same time, the author focuses on the convergence of such characteristics as atemporality, impersonality, and modality of instruction, achieved by the interaction between the corresponding grammatical categories.

Keywords: *discourse grammar, grammatical category, German legal discourse, interaction of categories.*

Контактная информация:
адрес: 163001, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17;
e-mail: a.chekalin@narfu.ru